

мол. — нб

## ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

### ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНІЙ.

Объективизмъ какъ методъ жизни.—Погибшее поколѣніе.—Безразличіе искусства.—Борьба школы и семьи.—Гоголь въ наполеоновской цензурѣ.

«Чѣмъ объективнѣе, тѣмъ меньше риску впасть въ ошибку. Надо смотрѣть въ корень и искать въ каждомъ явленіи причину всѣхъ причинъ. Мы ослабѣли, опустились, пали наконецъ; наше поколѣніе вплотную состоитъ изъ неврастениковъ и нытиковъ; мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи, но виноваты въ этомъ не вы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причины большія, общія, имѣющія съ точки зрѣнія біологической свой солидный *raison d'être*. Мы неврастеники, кисляи, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для тѣхъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Ни единый волосъ не падетъ съ головы безъ воли Отца Небеснаго,—другими словами, въ природѣ и въ человѣческой средѣ ничто не творится зря. Все обосновано и все необходимо».

Такія слова говоритъ одинъ изъ героевъ новаго разсказа г. Чехова «Разсказъ неизвѣстнаго чловѣка». Являясь апологіей современнаго поколѣнія, слова эти защищаютъ существованіе его не оправданіемъ той или иной черты его характера, а въ силу, такъ-сказать, исторической необходимости. Ухватываясь за предопредѣленіе какъ за исходный пунктъ, подобная философія возводитъ въ принципъ равнодушное созерцаніе совершающагося во-кругъ. Да и что-жь тутъ дѣлать, какъ не сложить руки,

если теченіе жизни не зависитъ отъ воли человѣческой, если жизнь есть продуктъ какого-то посторонняго хотѣнія, находящагося за предѣломъ тѣсной области общеизвѣстной логики? Человѣческое общество есть не болѣе какъ растительный организмъ, неспособный даже приспособляться, и хотя всѣ измѣненія его обусловлены и необходимы, но они происходятъ внѣ нашего разумѣнія, почему и остается право на существованіе только холодному объективизму. При такихъ взглядахъ, нѣтъ сомнѣнія, — «нашему поколѣнію—крышка», но правда-ли, что «съ этимъ мириться нужно», — большой вопросъ. Мы остановились на этихъ словахъ потому, что они почти какъ-бы заключаютъ разсказъ, являясь выводомъ, и кажется, самъ авторъ, объективный и безпошадный къ своимъ героямъ вообще, въ данномъ случаѣ имъ сочувствуетъ.

Разсказъ г. Чехова, помѣщенный въ февральской и мартовской книжкахъ «Русской Мысли», подобно всѣмъ его произведеніямъ, простой и несложный по замыслу, ставитъ героевъ въ несовсѣмъ обыденное положеніе. Герой разсказа, этотъ «неизвѣстный человѣкъ», отъ лица котораго ведется повѣствованіе, интеллигентъ, поступаетъ въ лакеи къ чиновнику, не слишкомъ замѣтному, но имѣющему отцомъ «извѣстнаго государственнаго человѣка». Орловъ, хозяинъ главнаго героя, увлекаетъ молодую замужнюю женщину, натуру пылкую и честную. Подъ впечатлѣніемъ этой личности, фиктивный лакей разочаровывается въ своемъ «дѣлѣ». Между тѣмъ Орловъ тяготится близкимъ присутствіемъ женщины, нарушающей его пошлый покой своими идеальными требованіями къ жизни. «Неизвѣстный» герой раскрываетъ Зинаидѣ Федоровнѣ настоящее положеніе вещей и, снявъ свое инкогнито, увозитъ ее за границу, гдѣ она, родивъ дочь отъ Орлова, умираетъ отъ принятаго яда. Такова фабула разсказа.

Главный герой, поступившій въ лакеи, — дворянинъ, образованный человѣкъ, отставной лейтенантъ флота. О причинахъ поступленія его въ лакеи, по его словамъ, «не время теперь говорить подробно». Но онъ все-таки сообщаетъ, что поступаетъ къ Орлову «не ради его самого, а ради его отца, извѣстнаго человѣка, котораго считалъ я

серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я рассчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ, какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца. О себѣ «неизвѣстный человѣкъ» сообщаетъ, что «подъ вліяніемъ-ли болѣзни (чахотки) или начинавшейся перемѣны міровоззрѣнія, которой я тогда не замѣчалъ, мною изо дня въ день овладѣвала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мнѣ хотѣлось душевнаго покоя, здоровья, хорошаго воздуха, сытости. Я становился мечтателемъ и, какъ мечтатель, не зналъ, что собственно мнѣ нужно...» «Похоже было на то, какъ будто я только впервые сталъ замѣчать, что, кромѣ задачъ, составлявшихъ сущность моей жизни, есть еще необъятный внѣшній міръ съ его вѣками, безконечностью и съ миллиардами жизней въ прошломъ и настоящимъ. Я съ любопытствомъ, какъ мальчикъ, всматривался въ лица, вслушивался въ голоса. И когда я стоялъ у двери и смотрѣлъ, какъ Орловъ пьетъ кофе, я чувствовалъ себя не лакеемъ, а любопытнымъ зрителемъ». Однако новая должность съ первыхъ дней не была для него легкой. «Въ лакейскомъ фракѣ, говоритъ онъ, я чувствовалъ себя какъ въ тяжелыхъ латахъ. Но скоро привычка взяла свое. Какъ настоящій лакей, я прислуживалъ, убиралъ комнаты, бѣгалъ и ѣздилъ, исполняя всякія порученія». Дѣло, ради котораго онъ поступилъ къ Орлову, не выгорало: Орловъ, оказалось, не имѣлъ никакихъ сношеній съ отцомъ. Тѣмъ не менѣе онъ «скучалъ и томился, но все-таки продолжалъ жить у него».

Типъ Орлова наиболѣе цѣльный и послѣдовательный. «Орлову было около 35 лѣтъ. Наружность у Орлова была петербургская: узкія плечи, длинная талія, впалые виски, плоскія щеки, глаза неопредѣленнаго цвѣта и скудная, тускло окрашенная растительность на головѣ, бородѣ и усахъ. Лицо у него было холеное, лошеное, потертое и непріятное. Особенно непріятно оно было, когда онъ задумывался или спалъ. Петербургъ — не Испанія; наружность здѣсь не имѣетъ большого значенія даже въ любовныхъ дѣлахъ и нужна только представительнымъ лакеямъ

и кучерамъ». Интересною особенностью наружности Орлова было то, что при чтеніи или при встрѣчѣ съ людьми «глаза его начинали улыбаться и все лицо принимало выраженіе легкой, не злой насмѣшки». Эта привычная «воспитанная годами» иронія, являвшаяся «уже безо всякаго участія воли, а какъ-бы по рефлексу», служила ту-же роль, «какъ щитъ у дикаря, ожидающаго, что въ него сейчасъ выстрѣлятъ». Читалъ Орловъ очень много, но «то была какая-то каша, а не чтеніе. Онъ читалъ и философію, и французскіе романы, и политическую экономію, и финансы, и новыхъ поэтовъ, изданія «Посредника»,—и все одинаково съ тѣмъ-же ироническимъ выраженіемъ глазъ». Орловъ никогда недержалъ у себя ни кухни, ни лошадей, потому-что, какъ онъ выражался, не любилъ «заводить у себя нечистоту», и прислугу терпѣлъ въ своей квартирѣ только по необходимости». Когда при немъ заводили «разговоръ о кухнѣ, дѣтской или супружеской спальнѣ, онъ брезгливо морщился, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ шла рѣчь о нечистотѣ. Такъ-называемый семейный очагъ съ его обыкновенными радостями и дрязгами оскорблялъ его вкусы какъ пошлость; быть беременной или имѣть дѣтей и говорить о нихъ—эта дурной тонъ, мѣшанство...» Изъ предыдущаго вполне вытекаетъ слѣдующія откровенія самого Орлова: «На любовь я, прежде всего, смотрю какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу; ее нужно удовлетворять съ толкомъ, или же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, и чтобы она не отгѣсняла меня, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлять множествомъ всякихъ иллюзій. Я не поѣду къ женщинѣ, которую люблю, если заранѣе не увѣренъ, что застану ее во всемъ блескѣ красоты и изящества, что она будетъ нарядна, весела, остроумна, увлекательна; и самъ я ѣзжу къ ней только когда бываю особенно въ ударѣ, когда я оживленъ, веселъ и расположенъ къ любовнымъ изліяніямъ». Свободное время отъ службы, къ которой онъ также относится съ ироніей, Орловъ заполнялъ картами и фривольными похождениями. У него

были товарищи, раздѣлявшіе съ нимъ и то, и другое поприще. Не будемъ останавливаться на ихъ физіономіяхъ, широко и талантливо обрисованныхъ г. Чеховымъ. Замѣтимъ только, что одинъ изъ нихъ представлялъ типъ преимущественно дѣльца, оцѣнивавшего всѣ явленія единственно съ утилитарной точки зрѣнія; другой, мелкій карьеристъ и пошлый развратникъ, мѣтилъ въ записные жуиры, и третій, очерченный съ большею симпатіей, былъ жалкій неудачникъ, натура, склонная къ поэзіи, но погрязшая въ чувственныхъ удовольствіяхъ; послѣдній былъ женатъ. Несмотря на разность, многое сближало Орлова съ этой компаніей, и ихъ бесѣды шли въ унисонъ. «Они съ ироніей говорили, что Бога нѣтъ и со смертью личность исчезаетъ совершенно; безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая же скучная и убогая страна, какъ Персія. Интеллигенція безнадежна... Она въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда негодныхъ. Народъ же спился, облѣнился, изворовался и вырождается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля держится на мошенничествѣ: не обманешь—не продашь. И все въ такомъ родѣ». За ужиномъ, конечно, больше всего говорили о любви и женщинахъ. Игривыя и грубыя частности приводили къ тому выводу, «что чистоты нравовъ не было никогда и нѣтъ ея; очевидно, она не нужна; человѣчество до сихъ поръ прекрасно обходилось безъ нея», и развратъ не мѣшалъ людямъ быть великими.

Чѣмъ могъ увлечь Орловъ Зинаиду Ѳедоровну,—конечно, неподдается обыкновенному логическому объясненію. Она сама не могла въ послѣдствіи представить это осмысленно и только говорила, что это былъ «грубый, пошлый эгоизмъ». Тутъ, впрочемъ, и не логичность играла роль. Зинаида Ѳедоровна съ дѣтства натерпѣлась отъ мачихи и попала заужъ за челоѣка, который былъ далекъ отъ нея и душой, и годами. Орловъ смотрѣлъ на связь съ нею какъ на одно изъ своихъ естественныхъ отпращиваній и вовсе не

ожидалъ, что она переселится къ нему отъ мужа. Появленіе ея въ его квартирѣ подѣйствовало на него ошеломляющимъ образомъ; онъ сознавалъ полнѣйшій контрастъ ихъ натуръ и боялся за нарушеніе своей свободы. Зинаида же Федоровна, видя въ своемъ поступкѣ «что-то смѣлое и необыкновенное», вѣрила, что «еще никогда не была такъ счастлива, и клялась, что будетъ любить вѣчно». Ей казалось, что она обновила жизнь, и не видѣла она, какая между ними глубокая пропасть. Самый существенный разладъ былъ во взглядѣ на чувство. «По ея мнѣнію, говорить Орловъ, уйти отъ папаша и мамаша или отъ мужа къ любимому мужчине—это верхъ гражданскаго мужества, а по моему это—ребячество. Полюбить, сойтись съ женщиной—это значитъ начать новую жизнь, а по моему это ничего не значитъ». Зинаида Федоровна была Орлову въ тягость: «Она перевернула телегу моей жизни: то, что до сихъ поръ я считалъ пустякомъ и вздоромъ, она вынуждаетъ меня возводить на степень серьезнаго вопроса, и я служу теперь варварскому богу, котораго всегда третировалъ какъ неуклюжую деревяшку». Между ними скоро начались стычки. Орловъ былъ грубъ и рѣзокъ съ Зинаидой Федоровной, увѣрялъ ее, что она принимаетъ его «за кого-то другого», но та была убѣждена, что онъ шутитъ, и видѣла въ немъ «идейнаго человѣка», «честнаго, великодушнаго...» Но боясь прямого пути, не вынося женскихъ слезъ, Орловъ все-таки предпочиталъ обманывать ее и подъ разными предлогами уѣзжалъ по недѣлямъ изъ дому къ своимъ товарищамъ.

Отношеніе «неизвѣстнаго человѣка» къ Зинаидѣ Федоровнѣ было самое восторженное. «Работая по утрамъ сапожною щеткой или вѣникомъ, я съ замираніемъ сердца, какъ мальчишка, ждалъ, когда, наконецъ, услышу ея голосъ и шаги и увижу милое, доброе, нѣсколько заспанное лицо. Стоять и смотрѣть на нее, когда она пила кофе и потомъ завтракала, подавать ей въ передней шубку и надѣвать на ея маленькія ножки калоши, причемъ она опиралась о мое плечо, потомъ нѣсколько часовъ подрядъ ждать съ нетерпѣніемъ, когда снизу позвонитъ мнѣ швейцаръ, встрѣтить ее въ дверяхъ розовую, холодную, напудренную снѣгомъ, слушать

отрывистыя восклицанія насчетъ мороза или извозчика,—еслибъ вы знали, какъ все это было для меня важно и полно интереса!» Съ нею у него соединились мечты о счастливой семейной жизни: «Орловъ брезгливо отбрасывалъ отъ себя женскія тряпки, дѣтей, кухню, мѣдныя костюлы, а я подбиралъ все это и бережно лелѣялъ въ своихъ мечтахъ, любилъ, просилъ у судьбы...» Еслибъ онъ влюбился въ нее, онъ «не посмѣлъ бы разсчитывать на такое чудо, какъ взаимность», зная, что «личное счастье для такого калѣки возможно только въ мечтахъ», но «въ безнадежной любви» видѣлъ-бы «особую, таинственную прелесть...» Зинаида Федоровна относилась къ нему какъ къ лакею, не замѣчая его, но все-таки «благоволила». Ея значеніе для него выразилось въ томъ, что онъ окончательно утратилъ вѣру въ свое дѣло. Когда планы его были на краю осуществленія, онъ отказался отъ нихъ. Теперь его лакейство не имѣло больше цѣли, и ему нужно было уходить. Передъ уходомъ у него явилось желаніе «умыть великолѣпную фізіономію» Орлова, и онъ оставилъ ему соотвѣтственное письмо. Тутъ же онъ открылъ Зинаидѣ Федоровнѣ обманъ Орлова, и она, пораженная сначала гнѣвомъ, потомъ безысходнымъ горемъ, беспомощно предоставила распоряжаться собою тому, кто показалъ ей вещи въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ объяснилъ ей безпошадно, что все ея «обновленіе» заключалось лишь въ томъ, что она «изъ спальни одного ту-неядца и пошляка перешла въ спальню другого такого-же». «Вы, говорилъ онъ, шли къ Орлову и думали, что исполняете свой долгъ, а васъ осмѣяли и ошанили въ первый-же день; вы, въ простотѣ сердечной, воображали, что вы идейный человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ вышло, что вы смѣшная, назойливая любовница, отъ которой ничѣмъ не отдѣлаешься». Онъ увезъ ее за границу. Въ концѣ-концовъ, однако, ихъ взаимныя отношенія кончились полнымъ разрывомъ.—«Всѣ эти ваши прекрасныя идеи,—говорить ему Зинаида Федоровна,—сводятся къ одному неизбѣжному, необходимому шагу: я должна сдѣлаться вашею любовницей... Почему вы, продолжаетъ она,—до сихъ поръ были неискренни? Почему вы скрывали то, что есть, а говорили о томъ, чего нѣтъ? Сказали-бы съ самаго

если теченіе жизни не зависитъ отъ воли человѣческой, если жизнь есть продуктъ какого-то посторонняго хотѣнія, находящагося за предѣломъ тѣсной области общеизвѣстной логики? Человѣческое общество есть не болѣе какъ растительный организмъ, неспособный даже приспособляться, и хотя всѣ измѣненія его обусловлены и необходимы, но они происходятъ внѣ нашего разумѣнія, почему и остается право на существованіе только холодному объективизму. При такихъ взглядахъ, нѣтъ сомнѣнія, — «нашему поколѣнію—крышка», но правда-ли, что «съ этимъ мириться нужно», — большой вопросъ. Мы остановились на этихъ словахъ потому, что они почти какъ-бы заключаютъ разсказъ, являясь выводомъ, и кажется, самъ авторъ, объективный и безошадный къ своимъ героямъ вообще, въ данномъ случаѣ имъ сочувствуетъ.

Разсказъ г. Чехова, помѣщенный въ февральской и мартовской книжкахъ «Русской Мысли», подобно всѣмъ его произведеніямъ, простой и несложный по замыслу, ставитъ героевъ въ несовсѣмъ обыденное положеніе. Герой разсказа, этотъ «неизвѣстный человѣкъ», отъ лица котораго ведется повѣствованіе, интеллигентъ, поступаетъ въ лакеи къ чиновнику, не слишкомъ замѣтному, но имѣющему отцомъ «извѣстнаго государственнаго человѣка». Орловъ, хозяинъ главнаго героя, увлекаетъ молодую замужнюю женщину, натуру пылкую и честную. Подъ впечатлѣніемъ этой личности, фиктивный лакей разочаровывается въ своемъ «дѣлѣ». Между тѣмъ Орловъ тяготится близкимъ присутствіемъ женщины, нарушающей его пошлый покой своими идеальными требованіями къ жизни. «Неизвѣстный» герой раскрываетъ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ настоящее положеніе вещей и, снявъ свое инкогнито, увозитъ ее за границу, гдѣ она, родивъ дочь отъ Орлова, умираетъ отъ принятаго яда. Такова фабула разсказа.

Главный герой, поступившій въ лакеи, — дворянинъ, образованный человѣкъ, отставной лейтенантъ флота. О причинахъ поступленія его въ лакеи, по его словамъ, «не время теперь говорить подробно». Но онъ все-таки сообщаетъ, что поступаетъ къ Орлову «не ради его самого, а ради его отца, извѣстнаго человѣка, котораго считалъ я

серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я рассчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ, какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца». О себѣ «неизвѣстный человѣкъ» сообщаетъ, что «подъ вліяніемъ-ли болѣзни (чахотки) или начинавшейся переменны міровоззрѣнія, которой я тогда не замѣчалъ, мною изо дня въ день овладѣвала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мнѣ хотѣлось душевнаго покоя, здоровья, хорошаго воздуха, сытости. Я становился мечтателемъ и, какъ мечтатель, не зналъ, что собственно мнѣ нужно...» «Похоже было на то, какъ будто я только впервые сталъ замѣчать, что, кромѣ задачъ, составлявшихъ сущность моей жизни, есть еще необъятный внѣшній міръ съ его вѣками, безконечностью и съ миллиардами жизней въ прошломъ и настоящемъ. Я съ любопытствомъ, какъ мальчикъ, всматривался въ лица, вслушивался въ голоса. И когда я стоялъ у двери и смотрѣлъ, какъ Орловъ пьетъ кофе, я чувствовалъ себя не лакеемъ, а любопытнымъ зрителемъ». Однако новая должность съ первыхъ дней не была для него легкой. «Въ лакейскомъ фракѣ, говоритъ онъ, я чувствовалъ себя какъ въ тяжелыхъ латахъ. Но скоро привычка взяла свое. Какъ настоящій лакей, я прислуживалъ, убиралъ комнаты, бѣгалъ и ѣздилъ, исполняя всякія порученія». Дѣло, ради котораго онъ поступилъ къ Орлову, не выгорало: Орловъ, оказалось, не имѣлъ никакихъ сношеній съ отцомъ. Тѣмъ не менѣе онъ «скучалъ и томился, но все-таки продолжалъ жить у него».

Типъ Орлова наиболѣе цѣльный и послѣдовательный. «Орлову было около 35 лѣтъ. Наружность у Орлова была петербургская: узкія плечи, длинная талія, впалые виски, плоскія щеки, глаза неопредѣленнаго цвѣта и скудная, тускло окрашенная растительность на головѣ, бородѣ и усахъ. Лицо у него было холеное, лошеное, потертое и непріятное. Особенно непріятно оно было, когда онъ задумывался или спалъ. Петербургъ — не Испанія; наружность здѣсь не имѣетъ большаго значенія даже въ любовныхъ дѣлахъ и нужна только представительнымъ лакеямъ

и кучерамъ». Интересною особенностью наружности Орлова было то, что при чтеніи или при встрѣчѣ съ людьми «глаза его начинали улыбаться и все лицо принимало выраженіе легкой, не злой насмѣшки». Эта привычная «воспитанная годами» иронія, являвшаяся «уже безо всякаго участія воли, а какъ-бы по рефлексу», служила ту-же роль, «какъ шить у дикаря, ожидающаго, что въ него сейчасъ выстрѣлятъ». Читалъ Орловъ очень много, но «то была какая-то каша, а не чтеніе. Онъ читалъ и философію, и французскіе романы, и политическую экономію, и финансы, и новыхъ поэтовъ, изданія «Посредника»,—и все одинаково съ тѣмъ-же ироническимъ выраженіемъ глазъ». Орловъ никогда недержалъ у себя ни кухни, ни лошадей, потому-что, какъ онъ выражался, не любилъ «заводить у себя нечистоту», и прислугу терпѣлъ въ своей квартирѣ только по необходимости». Когда при немъ заводили «разговоръ о кухнѣ, дѣтской или супружеской спальнѣ, онъ безглаголиво морщился, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ шла рѣчь о нечистотѣ. Такъ-называемый семейный очагъ съ его обыкновенными радостями и дразнами оскорблялъ его вкусы какъ пошлость; быть беременной или имѣть дѣтей и говорить о нихъ—эта дурной тонъ, мѣщанство...» Изъ предыдущаго вполне вытекаетъ слѣдующія откровенія самого Орлова: «На любовь я, прежде всего, смотрю какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу; ее нужно удовлетворять съ толкомъ, или же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, и чтобы она не оттѣсняла меня, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлять множествомъ всякихъ иллюзій. Я не поѣду къ женщинѣ, которую люблю, если заранѣе не увѣренъ, что застану ее во всемъ блескѣ красоты и изящества, что она будетъ нарядна, весела, остроумна, увлекательна; и самъ я ѣзжу къ ней только когда бываю особенно въ ударѣ, когда я оживленъ, веселъ и расположенъ къ любовнымъ изліяніямъ». Свободное время отъ службы, къ которой онъ также относится съ ироніей, Орловъ заполнялъ картами и фривольными похождениями. У него

были товарищи, раздѣлявшіе съ нимъ и то, и другое поприще. Не будемъ останавливаться на ихъ фیزیономіяхъ, широко и талантливо обрисованныхъ г. Чеховымъ. Замѣтимъ только, что одинъ изъ нихъ представлялъ типъ преимущественно дѣльца, оцѣнивавшаго всѣ явленія единственно съ утилитарной точки зрѣнія; другой, мелкій карьеристъ и пошлый развратникъ, мѣтилъ въ записные жуиры, и третій, очерченный съ большею симпатіей, былъ жалкій неудачникъ, натура, склонная къ поэзіи, но погрязшая въ чувственныхъ удовольствіяхъ; послѣдній былъ женатъ. Несмотря на разность, многое сближало Орлова съ этой компаніей, и ихъ бесѣды шли въ унисонъ. «Они съ ироніей говорили, что Бога нѣтъ и со смертію личность исчезаетъ совершенно; безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая же скучная и убогая страна, какъ Персія, Интеллигенція безнадежна... Она въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда негодныхъ. Народъ же спился, облѣнился, изворовался и вырождается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля держится на мошенничествѣ: не обманешь—не продашь. И все въ такомъ родѣ». За ужиномъ, конечно, больше всего говорили о любви и женщинахъ. Игривыя и грубыя частности приводили къ тому выводу, «что чистоты нравовъ не было никогда и нѣтъ ея; очевидно, она не нужна; человѣчество до сихъ поръ прекрасно обходилось безъ нея», и развратъ не мѣшалъ людямъ быть великими.

Чѣмъ могъ увлечь Орловъ Зинаиду Ѳедоровну,—конечно, неподдается обыкновенному логическому объясненію. Она сама не могла въ послѣдствіи представить это осмысленно и только говорила, что это былъ «грубый, пошлый эгоизмъ». Тутъ, впрочемъ, и не логичность играла роль. Зинаида Ѳедоровна съ дѣтства натерпѣлась отъ мачихи и попала замужъ за челоѣка, который былъ далекъ отъ нея и душой, и годами. Орловъ смотрѣлъ на связь съ нею какъ на одно изъ своихъ естественныхъ отправленій и вовсе не

ожидалъ, что она переселится къ нему отъ мужа. Появленіе ея въ его квартирѣ подѣйствовало на него ошеломляющимъ образомъ; онъ сознавалъ полнѣйшій контрастъ ихъ натуръ и боялся за нарушеніе своей свободы. Зинаида же Ѳедоровна, видя въ своемъ поступкѣ «что-то смѣлое и необыкновенное», вѣрила, что «еще никогда не была такъ счастлива, и клялась, что будетъ любить вѣчно». Ей казалось, что она обновила жизнь, и не видѣла она, какая между ними глубокая пропасть. Самый существенный разладъ былъ во взглядѣ на чувство. «По ея мнѣнію, говорить Орловъ, уйти отъ папашы и мамашы или отъ мужа къ любимому мужчине—это верхъ гражданскаго мужества, а по моему это—ребячество. Полюбить, сойтись съ мужчиной—это значитъ начать новую жизнь, а по моему это ничего не значитъ». Зинаида Ѳедоровна была Орлову въ тягость: «Она перевернула телѣгу моей жизни: то, что до сихъ поръ я считалъ пустякомъ и вздоромъ, она вынуждаетъ меня возводить на степень серьезнаго вопроса, и я служу теперь варварскому богу, котораго всегда третировалъ какъ неуклюжую деревяшку». Между ними скоро начались стычки. Орловъ былъ грубъ и рѣзокъ съ Зинаидой Ѳедоровной, увѣрялъ ее, что она принимаетъ его «за кого-то другого», но та была убѣждена, что онъ шутитъ, и видѣла въ немъ «идейнаго человѣка», «честнаго, великодушнаго...» Но боясь прямого пути, не вынося женскихъ слезъ, Орловъ все-таки предпочиталъ обманывать ее и подъ разными предлогами уѣзжалъ по недѣлямъ изъ дому къ своимъ товарищамъ.

Отношеніе «неизвѣстнаго человѣка» къ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ было самое восторженное. «Работая по утрамъ сапожною щеткой или вѣникомъ, я съ замираніемъ сердца, какъ мальчишка, ждалъ, когда, наконецъ, услышу ея голосъ и шаги и увижу милое, доброе, нѣсколько заспанное лицо. Стоять и смотрѣть на нее, когда она пила кофе и потомъ завтракала, подавать ей въ передней шубку и надѣвать на ея маленькія ножки калоши, причемъ она опиралась о мое плечо, потомъ нѣсколько часовъ подрядъ ждать съ нетерпѣніемъ, когда снизу позвонитъ мнѣ швейцаръ, встрѣтить ее въ дверяхъ розовую, холодную, напудренную снѣгомъ, слушать

отрывистыя восклицанія насчетъ мороза или извозчика,—еслибъ вы знали, какъ все это было для меня важно и полно интереса!» Съ нею у него соединились мечты о счастливой семейной жизни: «Орловъ брезгливо отбрасывалъ отъ себя женскія тряпки, дѣтей, кухню, мѣдныя костюли, а я подбиралъ все это и бережно лелѣялъ въ своихъ мечтахъ, любилъ, просилъ у судьбы...» Еслибъ онъ влюбился въ нее, онъ «не посмѣлъ бы разсчитывать на такое чудо, какъ взаимность», зная, что «личное счастье для такого калѣки возможно только въ мечтахъ», но «въ безнадежной любви» видѣлъ-бы «особую, таинственную прелесть...» Зинаида Федоровна относилась къ нему какъ къ лакею, не замѣчая его, но все-таки «благоволила». Ея значеніе для него выразилось въ томъ, что онъ окончательно утратилъ вѣру въ свое дѣло. Когда планы его были на краю осуществленья, онъ отказался отъ нихъ. Теперь его лакейство не имѣло больше цѣли, и ему нужно было уходить. Передъ уходомъ у него явилось желаніе «умыть великолѣпную фізіономію» Орлова, и онъ оставилъ ему соотвѣтственное письмо. Тутъ же онъ открылъ Зинаидѣ Федоровнѣ обманъ Орлова, и она, пораженная сначала гнѣвомъ, потомъ безысходнымъ горемъ, беспомощно предоставила распоряжаться собою тому, кто показалъ ей вещи въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ объяснилъ ей безпошадно, что все ея «обновленіе» заключалось лишь въ томъ, что она «изъ спальни одного ту-неядца и пошляка перешла въ спальню другого такого-же». «Вы, говорилъ онъ, шли къ Орлову и думали, что исполняете свой долгъ, а васъ осмѣяли и ошिकाи въ первый-же день; вы, въ простотѣ сердечной, воображали, что вы идейный человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ вышло, что вы смѣшная, назойливая любовница, отъ которой ничѣмъ не отдѣлаешься». Онъ увезъ ее за границу. Въ концѣ-концовъ, однако, ихъ взаимныя отношенія кончились полнымъ разрывомъ.—«Всѣ эти ваши прекрасныя идеи,—говоритъ ему Зинаида Федоровна,—сводятся къ одному неизбежному, необходимому шагу: я должна сдѣлаться вашею любовницей... Почему вы, продолжаетъ она,—до сихъ поръ были неискренни? Почему вы скрывали то, что есть, а говорили о томъ, чего нѣтъ? Сказали-бы съ самаго

если теченіе жизни не зависитъ отъ воли человѣческой, если жизнь есть продуктъ какого-то посторонняго хотѣнія, находящагося за предѣломъ тѣсной области общеизвѣстной логики? Человѣческое общество есть не болѣе какъ растительный организмъ, неспособный даже приспособляться, и хотя всѣ измѣненія его обусловлены и необходимы, но они происходятъ внѣ нашего разумѣнія, почему и остается право на существованіе только холодному объективизму. При такихъ взглядахъ, нѣтъ сомнѣнія, — «нашему поколѣнію—крышка», но правда-ли, что «съ этимъ мириться нужно», — большой вопросъ. Мы остановились на этихъ словахъ потому, что они почти какъ-бы заключаютъ рассказъ, являясь выводомъ, и кажется, самъ авторъ, объективный и безошибочный къ своимъ героямъ вообще, въ данномъ случаѣ имъ сочувствуетъ.

Рассказъ г. Чехова, помѣщенный въ февральской и мартовской книжкахъ «Русской Мысли», подобно всѣмъ его произведеніямъ, простой и несложный по замыслу, ставитъ героевъ въ несовѣтъ обыденное положеніе. Герой рассказа, этотъ «неизвѣстный человѣкъ», отъ лица котораго ведется повѣствованіе, интеллигентъ, поступаетъ въ лакеи къ чиновнику, не слишкомъ замѣтному, но имѣющему отцомъ «извѣстнаго государственнаго человѣка». Орловъ, хозяинъ главнаго героя, увлекаетъ молодую замужнюю женщину, натуру пылкую и честную. Подъ впечатлѣніемъ этой личности, фиктивный лакей разочаровывается въ своемъ «дѣлѣ». Между тѣмъ Орловъ тяготится близкимъ присутствіемъ женщины, нарушающей его пошлый покой своими идеальными требованіями къ жизни. «Неизвѣстный» герой раскрываетъ Зинаидѣ Федоровнѣ настоящее положеніе вещей и, снявъ свое инкогнито, увозитъ ее за границу, гдѣ она, родивъ дочь отъ Орлова, умираетъ отъ принятаго яда. Такова фабула рассказа.

Главный герой, поступившій въ лакеи, — дворянинъ, образованный человѣкъ, отставной лейтенантъ флота. О причинахъ поступленія его въ лакеи, по его словамъ, «не время теперь говорить подробно». Но онъ все-таки сообщаетъ, что поступаетъ къ Орлову «не ради его самого, а ради его отца, извѣстнаго человѣка, котораго считалъ я

серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я рассчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ, какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца». О себѣ «неизвѣстный человѣкъ» сообщаетъ, что «подъ вліяніемъ-ли болѣзни (чахотки) или начинавшейся перемѣны міровоззрѣнія, которой я тогда не замѣчалъ, мною изо дня въ день овладѣвала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мнѣ хотѣлось душевнаго покоя, здоровья, хорошаго воздуха, сытости. Я становился мечтателемъ и, какъ мечтатель, не зналъ, что собственно мнѣ нужно...» «Похоже было на то, какъ будто я только впервые сталъ замѣчать, что, кромѣ задачъ, составлявшихъ сущность моей жизни, есть еще необъятный внѣшній міръ съ его вѣками, безконечностью и съ милліардами жизней въ прошломъ и настоящемъ. Я съ любопытствомъ, какъ мальчикъ, всматривался въ лица, вслушивался въ голоса. И когда я стоялъ у двери и смотрѣлъ, какъ Орловъ пьетъ кофе, я чувствовалъ себя не лакеемъ, а любопытнымъ зрителемъ». Однако новая должность съ первыхъ дней не была для него легкой. «Въ лакейскомъ фракѣ, говоритъ онъ, я чувствовалъ себя какъ въ тяжелыхъ латахъ. Но скоро привычка взяла свое. Какъ настоящій лакей, я прислуживалъ, убиралъ комнаты, бѣгалъ и ѣздилъ, исполняя всякія порученія». Дѣло, ради котораго онъ поступилъ къ Орлову, не выгорало: Орловъ, оказалось, не имѣлъ никакихъ сношеній съ отцомъ. Тѣмъ не менѣе онъ «скучалъ и томился, но все-таки продолжалъ жить у него».

Типъ Орлова наиболѣе цѣльный и послѣдовательный. «Орлову было около 35 лѣтъ. Наружность у Орлова была петербургская: узкія плечи, длинная талія, впалые виски, плоскія щеки, глаза неопредѣленнаго цвѣта и скудная, тускло окрашенная растительность на головѣ, бородѣ и усахъ. Лицо у него было холеное, лощенное, потертое и непріятное. Особенно непріятно оно было, когда онъ задумывался или спалъ. Петербургъ — не Испанія; наружность здѣсь не имѣетъ большаго значенія даже въ любовныхъ дѣлахъ и нужна только представительнымъ лакеямъ

и кучерамъ». Интересною особенностью наружности Орлова было то, что при чтеніи или при встрѣчѣ съ людьми «глаза его начинали улыбаться и все лицо принимало выраженіе легкой, не злой насмѣшки». Эта привычная «воспитанная годами» иронія, являвшаяся «уже безо всякаго участія воли, а какъ- бы по рефлексу», служила ту-же роль, «какъ шить у дикаря, ожидающаго, что въ него сейчасъ выстрѣлятъ». Читалъ Орловъ очень много, но «то была какая-то каша, а не чтеніе. Онъ читалъ и философію, и французскіе романы, и политическую экономію, и финансы, и новыхъ поэтовъ, изданія «Посредника»,—и все одинаково съ тѣмъ-же ироническимъ выраженіемъ глазъ». Орловъ никогда недержалъ у себя ни кухни, ни лошадей, потому-что, какъ онъ выражался, не любилъ «заводить у себя нечистоту», и прислугу терпѣлъ въ своей квартирѣ только по необходимости». Когда при немъ заводили «разговоръ о кухнѣ, дѣтской или супружеской спальнѣ, онъ беззлively морщился, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ шла рѣчь о нечистотѣ. Такъ-называемый семейный очагъ съ его обыкновенными радостями и дразгами оскорблялъ его вкусы какъ пошлость; быть беременной или имѣть дѣтей и говорить о нихъ—эта дурной тонъ, мѣщанство...» Изъ предыдущаго вполне вытекаетъ слѣдующія откровенія самого Орлова: «На любовь я, прежде всего, смотрю какъ на потребность моего организма, низменную и враждебную моему духу; ее нужно удовлетворять съ толкомъ, или же совсѣмъ отказаться отъ нея, иначе она внесетъ въ твою жизнь такіе же нечистые элементы, какъ она сама. Чтобы она была наслажденіемъ, а не мученіемъ, и чтобы она не оттѣсняла меня, я стараюсь дѣлать ее красивой и обставлять множествомъ всякихъ иллюзій. Я не поѣду къ женщинѣ, которую люблю, если заранѣе не увѣренъ, что застану ее во всемъ блескѣ красоты и изящества, что она будетъ нарядна, весела, остроумна, увлекательна; и самъ я ѣзжу къ ней только когда бываю особенно въ ударѣ, когда я оживленъ, веселъ и расположенъ къ любовнымъ изліяніямъ». Свободное время отъ службы, къ которой онъ также относится съ ироніей, Орловъ заполнялъ картами и фривольными похождениями. У него

были товарищи, раздѣлявшіе съ нимъ и то, и другое поприще. Не будѣмъ останавливаться на ихъ фізіономіяхъ, широко и талантливо обрисованныхъ г. Чеховымъ. Замѣтимъ только, что одинъ изъ нихъ представлялъ типъ преимущественно дѣльца, оцѣнивавшего всѣ явленія единственно съ утилитарной точки зрѣнія; другой, мелкій карьеристъ и пошлый развратникъ, мѣтилъ въ записные жуиры, и третій, очерченный съ большею симпатіей, былъ жалкій неудачникъ, натура, склонная къ поэзіи, но погрязшая въ чувственныхъ удовольствіяхъ; послѣдній былъ женатъ. Несмотря на разность, многое сближало Орлова съ этой компаніей, и ихъ бесѣды шли въ унисонъ. «Они съ ироніей говорили, что Бога нѣтъ и со смертію личность исчезаетъ совершенно; безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая же скучная и убогая страна, какъ Персія. Интеллигенція безнадежна... Она въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда негодныхъ. Народъ же спился, обдѣлился, изворовался и вырождается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля держится на мошенничествѣ: не обманешь—не продашь. И все въ такомъ родѣ». За ужиномъ, конечно, больше всего говорили о любви и женщинахъ. Игривыя и грубыя частности приводили къ тому выводу, «что чистоты нравовъ не было никогда и нѣтъ ея; очевидно, она не нужна; человѣчество до сихъ поръ прекрасно обходилось безъ нея», и развратъ не мѣшалъ людямъ быть великими.

Чѣмъ могъ увлечь Орловъ Зинаиду Ѳедоровну,—конечно, неподдается обыкновенному логическому объясненію. Она сама не могла въ послѣдствіи представить это осмысленно и только говорила, что это былъ «грубый, пошлый эгоизмъ». Тутъ, впрочемъ, и не логичность играла роль. Зинаида Ѳедоровна съ дѣтства натерпѣлась отъ мачихи и попала замужъ за чловѣка, который былъ далекъ отъ нея и душой, и годами. Орловъ смотрѣлъ на связь съ нею какъ на одно изъ своихъ естественныхъ отправленій и вовсе не

ожидалъ, что она переселится къ нему отъ мужа. Появленіе ея въ его квартирѣ подѣйствовало на него опелемляющимъ образомъ; онъ сознавалъ полнѣйшій контрастъ ихъ натуръ и боялся за нарушеніе своей свободы. Зинаида же Федоровна, видя въ своемъ поступкѣ «что-то смѣлое и необыкновенное», вѣрила, что «еще никогда не была такъ счастлива, и клялась, что будетъ любить вѣчно». Ей казалось, что она обновила жизнь, и не видѣла она, какая между ними глубокая пропасть. Самый существенный разладъ былъ во взглядѣ на чувство. «По ея мнѣнію, говорить Орловъ, уйти отъ папашы и мамашы или отъ мужа къ любимому мужчинѣ—это верхъ гражданскаго мужества, а по моему это—ребячество. Полюбить, сойтись съ мужчиной—это значитъ начать новую жизнь, а по моему это ничего не значитъ». Зинаида Федоровна была Орлову въ тягость: «Она перевернула телѣгу моей жизни: то, что до сихъ поръ я считалъ пустякомъ и вздоромъ, она вынуждаетъ меня возводить на степень серьезнаго вопроса, и я служу теперь варварскому богу, котораго всегда третировалъ какъ неуклюжую деревяшку». Между ними скоро начались стычки. Орловъ былъ грубъ и рѣзокъ съ Зинаидой Федоровной, увѣрялъ ее, что она принимаетъ его «за кого-то другого», но та была убѣждена, что онъ шутитъ, и видѣла въ немъ «идейнаго человѣка», «честнаго, великодушнаго...» Но боясь прямого пути, не вынося женскихъ слезъ, Орловъ все-таки предпочиталъ обманывать ее и подъ разными предлогами уѣзжалъ по недѣлямъ изъ дому къ своимъ товарищамъ.

Отношеніе «неизвѣстнаго человѣка» къ Зинаидѣ Федоровнѣ было самое восторженное. «Работая по утрамъ сапожною щеткой или вѣникомъ, я съ замираніемъ сердца, какъ мальчишка, ждалъ, когда, наконецъ, услышу ея голосъ и шаги и увижу милое, доброе, нѣсколько заспанное лицо. Стоять и смотрѣть на нее, когда она пила кофе и потомъ завтракала, подавать ей въ передней шубку и надѣвать на ея маленькія ножки калоши, причемъ она опиралась о мое плечо, потомъ нѣсколько часовъ подрядъ ждать съ нетерпѣніемъ, когда снизу позвонитъ мнѣ швейцаръ, встрѣтить ее въ дверяхъ розовую, холодную, напудренную снѣгомъ, слушать

отрывистыя восклицанія насчетъ мороза или извозчика,—еслибъ вы знали, какъ все это было для меня важно и полно интереса!» Съ нею у него соединились мечты о счастливой семейной жизни: «Орловъ брезгливо отбрасывалъ отъ себя женскія тряпки, дѣтей, кухню, мѣдныя костюмы, а я подбиралъ все это и бережно лелѣялъ въ своихъ мечтахъ, любилъ, просилъ у судьбы...» Еслибъ онъ влюбился въ нее, онъ «не посмѣлъ бы рассчитывать на такое чудо, какъ взаимность», зная, что «личное счастье для такого калѣки возможно только въ мечтахъ», но «въ безнадежной любви» видѣлъ-бы «особую, таинственную прелесть...» Зинаида Федоровна относилась къ нему какъ къ лакею, не замѣчая его, но все-таки «благоволила». Ея значеніе для него выразилось въ томъ, что онъ окончательно утратилъ вѣру въ свое дѣло. Когда планы его были на краю осуществленія, онъ отказался отъ нихъ. Теперь его лакейство не имѣло больше цѣли, и ему нужно было уходить. Передъ уходомъ у него явилось желаніе «умыть великолѣпную фizioномію» Орлова, и онъ оставилъ ему соотвѣтственное письмо. Тутъ же онъ открылъ Зинаидѣ Федоровнѣ обманъ Орлова, и она, пораженная сначала гнѣвомъ, потомъ безысходнымъ горемъ, беспомощно предоставила распоряжаться собою тому, кто показалъ ей вещи въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ объяснилъ ей безпощадно, что все ея «обновленіе» заключалось лишь въ томъ, что она «изъ спальни одного ту-неядца и пошляка перешла въ спальню другого такого-же». «Вы, говорилъ онъ, шли къ Орлову и думали, что исполняете свой долгъ, а васъ осмѣяли и ошибали въ первый-же день; вы, въ простотѣ сердечной, воображали, что вы идейный человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ вышло, что вы смѣшная, назойливая любовница, отъ которой ничѣмъ не отдѣлаешься». Онъ увезъ ее за границу. Въ концѣ-концовъ, однако, ихъ взаимныя отношенія кончились полнымъ разрывомъ.—«Всѣ эти ваши прекрасныя идеи,—говорить ему Зинаида Федоровна,—сводятся къ одному неизбежному, необходимому шагу: я должна сдѣлаться вашею любовницей... Почему вы, продолжаетъ она,—до сихъ поръ были неискренни? Почему вы скрывали то, что есть, а говорили о томъ, чего нѣтъ? Сказали-бы съ самаго

начала, какія собственно идеи заставили васъ вытащить меня изъ Петербурга, такъ-бы ужъ я и знала. Отравилась-бы тогда, какъ хотѣла, и не было-бы теперь этой нудной комедіи...» Черезъ день послѣ этого разговора она родила ребенка, а затѣмъ скончалась; докторъ подозрѣвалъ, что она приняла ядъ. Последняя сцена разсказа рисуетъ свиданіе неизвѣстнаго героя съ Орловымъ по поводу судьбы его дочери, которое и заключается приведенной въ самомъ началѣ тирадой.

Разсказъ г. Чехова оставляетъ смутное, но гнетущее впечатлѣніе. Писатель зло, безпошадно обнажаетъ несостоятельность своихъ героевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ни слова не говоритъ въ защиту жизни, онъ развѣнчиваетъ всѣ идеи, всѣ стремленія и не хочетъ указать ни одной свѣтлой полосы въ этомъ ужасномъ, безпросвѣтномъ мракѣ безцѣльнаго человѣческаго бытія.

«Искусство и нравственность»—двѣ области, которыя очень часто сближаютъ и ставятъ одну въ зависимость отъ другой. Задачу разграничить или, вѣрнѣе, совершенно разобщить ихъ взялъ на себя кн. С. Волконскій, помѣстившій на эту тему статью въ «Вѣстникъ Европы». Поставленный имъ вопросъ—законны-ли наши эстетическія эмоціи, имѣемъ-ли мы право воспитывать въ себѣ чувство красоты, вообще—нравственно-ли искусство,—ведетъ его къ изслѣдованію тѣхъ признаковъ, которыми характеризуется искусство, или, лучше, тѣхъ отношеній, которыя проявляетъ человѣкъ къ красотѣ. Отмѣчая, что человѣческая энергія въ настоящее время устремилась «къ своей конечной цѣли—удовлетворенію земныхъ нуждъ человѣка», авторъ статьи приходитъ къ убѣжденію, что «эволюція пластическихъ искусствъ кончена», и наша эпоха представляетъ только «утонченный эклектизмъ въ подражаніи стариннымъ образцамъ». Задача пластическаго творчества есть украшеніе жизни, и никакихъ утилитарныхъ цѣлей оно имѣть не можетъ; теряя элементъ житейской потребности, памятники искусства сохраняютъ свою эстетическую цѣнность, такъ что «каждая эпоха получаетъ отъ предыдущей, что было выработано до нея, внѣдряетъ въ

8/11